

11. Михалева И. М. Текст в тексте: психолингвистический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; АН СССР Институт языкознания – М., 1989. – 24 с.
12. Орлова О. В. Художественный и рекламный текст: принципы регулятивности // Вестник ТГПУ, 2006. – Серия: “Гуманитарные науки” (Филология). – Вып. 5 (56). – 2006. – С. 129-133.
13. Петрова И. В. Лингвистический анализ художественного текста : учеб.-метод. пособие для студ. очного и заочного отделений филол. ф-тов ун-тов / Магнитогорский гос. ун-т / Ирина Владимировна Петрова (сост.), Владимир Александрович Саляев (сост.). – Магнитогорск : МаГУ, 2000. – 83 с.
14. Почепцов Г. Г. Имиджология: теория и практика. – К. : АДЕФ-Украина, 1998. – 392 с.

Аннотация

Статья посвящена вопросу характеристики текста как атрибута коммуникации. Проведен анализ структурных и семантических характеристик художественного и рекламного текста и определены особенности последнего.

Ключевые слова: художественный текст, рекламный текст, средства интимизации.

Annotation

The article deals with the features of belles-lettres texts and of advertisement texts. The analysis of structural and semantic features of belles-lettres texts and of advertisement texts is made and the peculiarities of the latter are listed.

Keywords: belles-letters text, advertisement text, means of appeal.

Завистовська Г. Е.
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

**РЕФЕРЕНЦИАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СТАТУС
ПРЕДМЕТНО-ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ “Я”, “ТЫ”
В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**

Статья посвящена комплексному исследованию референциально-семантического статуса предметно-личных местоимений 1 и 2 лица единственного числа.

Ключевые слова: предметно-личные местоимения, поэтический текст.

Местоимения являются главными средствами референции, представляя собой “семантический класс слов, в лексическое значение которых входит указание на тот или иной тип референции “денотативный статус” (Крылов, с. 138). Предметно-личные местоимения служат осуществлению особой референции: они выражают отсылку к акту речи, выступая детерминативами говорящего, то есть адресанта коммуникации (“я”) и получателя речи, или

адресата комунікації (“ты”), а також об'єкта комунікації (“он”, “она”, “оно”).

В залежності від типу відсилки к учасникам висказывания или к об'єкту комунікації различають референціально-семантичний статус указательних местоимений 1-го и 2-го лица (предметно-личных) и 3-го лица (предметно-указательных).

Контекстно-дейктические реализации отсылки к учасникам комунікації в поетическом тексте более разнородны. Речь от 1-го лица в поетическом тексте объективірует для воспринимающего образ автора в определенном качестве – поэта или просто раздумывающего человека, лирического героя. Самовыражение эмоций и чувств автора поетических строк может быть и как бы отстраненным от конкретного лица как личности, оно образно символизирует намерения, самодостаточную ценность идеального познания поэтом мира. Обозначая обобщенный лирический субъект, местоимение “я” одновременно выступает и детерминантом временной и пространственной ориентации коммуникантов в восприятии текста. Ср., например, у М. Цветаевой образ “я” – поэта, отождествленный с отправителем речи:

Пушкину:

*Я поднимаюсь по белой дороге.
Пыльной, звенящей, крутой.
Не устают мои легкие ноги
Выситься над высотой.
Слева - крутая спина Аю-Дага,
Синяя бездна - окрест.
Я вспоминаю курчавого мага
Этих лирических мест...
 (“Встреча с Пушкиным”)*

Совсем иная референция образа поэта, лирического, обобщенного “я”, коррелирующего с “ты”. Показательно в этом плане стихотворение М. Цветаевой “Два исхода”:

*Со мной в ночи шептались тени,
Ко мне ласкались кольца дыма,
Я знала тайны всех растений
И песни всех колоколов,
– А люди мимо шли без слов,
Куда-то вдаль спешили мимо.
Я трепетала каждой жилкой
Среди безмолвия ночного,
Над жизнью пламенной и пылкой
Держа задумчивый фонарь...*

*Я не жила, – так было встарь.
 Что было встарь – то будет снова.
 С тобой в ночи шептались тени,
 К тебе ласкались кольца дыма,
 Ты знала тайны всех растений
 И песни всех колоколов,
 – А люди мимо шли без слов,
 Куда-то вдаль спешили мимо.
 Ты трепетала каждой жилкой
 Среди безмолвия ночного,
 Над жизнью пламенной и пылкой
 Держа задумчивый фонарь...
 Ты не жила, – так было встарь.
 Что было встарь, – не будет снова.*

Обобщенный лирический субъект “я” в своей корреляции с “ты” здесь нетипичен для диалога, ибо совпадает с ним. Автокоммуникация во внутреннем диалоге, основанная на замене “я” на “ты”, выражает внутренний психический мир “я”, позволяющий раздвоение личности, но не позволяющий полного отстранения от “я”. В случае автокоммуникации на первом плане выступает референция высказывания на временной оси: я – тогда (раньше, в детстве) – я – теперь.

В актуальной речи всегда распределены отправитель (адресант) и получатель (адресат) коммуникации. В письменном тексте адресат, тот к кому обращаются, может иметь конкретное, определенное именование или частично обозначенное, а также обобщенное значение и даже – неопределенное для воспринимающего текст.

Присущая поэзии замена авторского я дейктивом ты дает возможность выразить психологический взгляд на себя со стороны с проекцией определенности на временной оси: прошедшее – настоящее (будущее). Например, у М. Лермонтова:

*Ты молод. Цвет твоих кудрей
 Не уступает цвету ночи,
 Как день твои блистают очи
 При встрече радостных очей,
 Ты от души смеяшь смешному,
 Как скуку гонишь прочь печаль,
 Что бред ребяческий другому,
 То все тебе покинуть жаль.
 Волною унесенный
 Далек от надежд былых,
 Как путешественник забвенный,
 Я чуждым стал между родных,
 Пред мною носятся виденья,*

*Жизнь обманувшие мою,
И, не рожденный для забвенья,
Я вновь черты их узнаю.
И время их не изменило,
Они все те же! Я не тот.
Зачем же гибнет все, что мило,
А что жалеет, то живет?
("Ты молод").*

Категория определенности лица – адресанта (говорящего, автора, “я”), транспонируясь в семантику местоимения “ты” (обычно – адресата, воспринимающего речь или текст), получает дополнительные оттенки значения, свойственные устной монологической речи. Такая форма устной монологической речи в драматическом произведении произносится вслух, а в прозе передается как прямая (монологическая) речь.

Основным признаком грамматических категорий является их нацеленность, проекция на выражение смысла в коммуникации. Свойство грамматических категорий проектировать свои значения на лексические единицы и синтаксические построения находит свое выражение в синтагматических отношениях классификации, актуализации, идентификации, персональности, апеллятивности и др. Грамматические категории выполняют в связном тексте весьма значимую роль. В частности, в поэтическом тексте более выразительно, чем в прозе, проявляется семантика грамматической образности, интерпретируемая как глубинная его организация.

Как уже было сказано, дейксисы способны актуализировать не только устоявшиеся обобщенные значения (указательности, возвратности, притяжательности, отрицания и другие базисные), но и частные – устаревшие или ныне утраченные, специализированные, контекстуальные, возникающие вследствие глубинных семантических сдвигов в значении слов как надстроенные их значения, образующие дополнительное наращение смыслов (недомолвки, таинственности или утаивания информативной двусмысленности, неопределенности и т.д.).

В безартиклых русском и украинском языках своеобразие использования личных, указательно-личных, указательных и неопределенно-личных местоимений обуславливается, кроме других факторов, отсутствием формального показателя определенности/неопределенности в имени существительном, выражающем предметные функции в структуре предложения.

Местоименные слова на формальном уровне восполняют отсутствие артикля определенности/неопределенности, как уже было сказано, для выражения функции детерминации и актуализации имени в высказывании и анафорической в тексте. Разнообразие функций и значений в поэтическом тексте зависит от авторского осмысления “вклада грамматики” в выражение

смысла, разнообразия использования эмоционально-экспрессивных, дополнительных наращиваний смысловых оттенков.

Обобщенный характер местоимения *ты* сказывается в том, что оно обозначает не только собеседника, но и любое другое лицо, в том числе и самого говорящего. При этом всякое такое лицо приравнивается к собеседнику, с которым говорящий вступает в непосредственное общение. Например, у Некрасова:

*– Что тебе эта скорбь вопиющая?
Вечным праздником быстро бегущая жизнь
очнуться тебе не дает.*

В поэтической речи определенность субстантива – обобщенного лица – достигается в контексте и в окружении других лексических единиц, которые могут частично идентифицировать адресата информации. Например:

*Кисть весела, и живопись красна.
Твои печали – не ее печали.
Позируй для Христа хоть Сатана,
Ей – только бы тона не подкачали.
(Н. Матвеева, “Веселье живописи”).*

Все его бранят за то, что мало Он живет (еще недоставало)

*Долго жить, где все тебя бранят!,
А дадут ли жить на свете долго?
(Н. Матвеева, “В защиту мыльных пузырей”).*

Частичная идентификация обобщенности лиц вы имеет место, например, в поэтическом тексте М. Ю. Лермонтова, где выступают определители, характеризующие образ представителей высшего света, общества, повинного в смерти А. С. Пушкина:

*А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправише обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда – все молчи!..*

*Тогда напрасно вы прибегните к злословью!
Оно вам не поможет вновь,*

*И вы не смаете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!*

В поэтической речи взаимодействуют элементы разных уровней языка. Прагматичная функция в приведенном отрывке поэтического текста – гневное осуждение, вызов поэта-гражданина высшему свету общества – наиболее выразительно и текстуально значимо проступает на основе лексического повтора личного местоимения вы (вами, вам) и притяжательного ваш (вашей), противостоящих к *он* – *поэт, певец свободы, Гений, Слава Отечества*. Атрибутивные определители (*палачи Свободы, Гения и Славы, жадною толпою стоящие у трона* и др.), усложняющие аппеллятивы – обращения, обеспечивают негативную эмоционально-оценочную характеристику “света”, усиленную повтором местоимений *вы* и *вам* с семантикой обобщенного круга лиц, без конкретной идентификации составляющих этот круг людей (свет). Это свойство местоимений *ты*, *вы*, *твой*, *вам* заложена в лексической семантике этих местоимений: они только отсылают к адресату коммуникации, а референция лица может быть дана путем введения имени существительного в звательной функции. В украинском языке она реализуется формой звательного падежа, которая противопоставлена форм именительного падежа и всех иных падежей на основе оппозиции референции участников коммуникации: 2-ое лицо (адресат) – не 2-е лицо (говорящий или объект коммуникации: 1-ое лицо или 3-е лицо).

Как подчеркнул Л. А. Булаховский, формальные признаки звательного падежа в украинском языке свойственны прежде всего существительным мужского и женского рода, обозначающих антропонимы (Булаховський, 1977, с. 281). Отсутствие их в именах существительных среднего рода и в существительных-неантропонимах вполне закономерно, поскольку эти имена не идентифицируют участников коммуникации. Однако именно в поэтическом тексте с аппеллятивной функцией и функцией референции адресата, кроме антропонимов, звательной функцией наделяются и имена существительные – неантропонимы, примечательно, что статус обращения к адресату в поэзии получают прежде всего субстантивы, обозначающие психологические понятия, мыслительные категории, поэтические образы, символы и т.п. (душа, любовь, счастье, сердце, думы, слово, муза, очи, ива, туча, ветер, солнце, звезда и т.п.).

Каждый поэт, используя античные образы и национальные, так или иначе в лирических отступлениях и в основном тексте по-своему отбирает средства, выражающие референцию адресата, создавая стилистический компонент задушевности, проникновенности, тонкого лиризма и других экспрессивных оттенков положительных и отрицательных эмоций.

Интимизирующая роль местоимений *я*, *ты* (*мы*, *вы*, *мой*, *твой*, *наш*, *ваш*) состоит в субъективизации речи, в создании контекстуальных условий

непосредственного общения с собеседником – читателем, сближения автора и адресата в получении эстетического заряда (см. : Ермоленко, 1982, с. 62-63). Сравним в тексте поэмы А. С. Пушкина “Евгений Онегин” обращения, которые введены с целью диалогизации и конкретизации адресата (“ты”, “вы”), и обращения, выполняющие в первую очередь функцию интимизации:

1. Друзья Людмилы и Руслана.

*С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас...
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель,
Там некогда гулял и я...*

2. Ах, ножки, ножки!

*Где вы ныне?
Где мнете вешние цветы?
Взлелеяны в восточной неге,
Вы не оставили следов...*

3. Простите ж, сени,

*Где дни мои текли в глуши,
Исполнены страстей и лени
И слов задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй.*

Семантическая структура высказывания, состоящая из пресуппозиции, эксплицитного и имплицитного уровней, включает субъективный компонент референции высказывания в целом, а также референции участников коммуникации.

Имплицитность субъекта речи – адресанта и адресата – в поэтическом тексте – это нормальное явление, если на уровне пресуппозиции (в предконтексте) были намеки на них или последует далее хотя бы частичная идентификация их. Однако в организации текста от 3-го лица имплицитный компонент “я” и “ты” воспринимается читателем как само собой разумеющиеся константы: автор – поэт, адресат – читающий текст и объект коммуникации как образное отражение мира в авторском его осмыслении. Семантическая структура высказывания может изменяться в направлении увеличения экспликации компонентов уровня пресуппозиции.

Контекст выявляет дополнительные смыслы, проектируемые лексическими единицами, грамматическими формами и грамматическими категориями, структурно-просодическими схемами синтаксических построений. Актуализация участников коммуникации в поэтическом тексте

есть отражение функциональных значений категории определенности /неопределенности с наложением значений стилистических свойственных поэтическому жанру художественной литературы.

Л и т е р а т у р а :

1. *Адмони В. Г.* Грамматический строй как систем построения и общая теория грамматики. – Л. : Наука, 1988. – 239 с.
2. *Адмони В. Г.* Основы теории грамматики. – М., Л. : Нука, 1964 – 105 с.
3. *Адмони В. Г.* Структура грамматического значения и его статус в системе языка // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. – Л., 1979. – С. 6-36.
4. *Алексеев М. Н., Колшанский Г. В.* О соотношении логических и грамматических категорий // Вопр. языкознания. – 1955. – № 5. – С. 3-19.
5. *Алисова Т. Б.* Семантико-коммуникативный субстрат безличных предложений // Инвариантные синтаксические значения и структура предложений. – М., 1969. – С. 27-36.
6. *Алисова Т. Б.* Очерки синтаксиса современного итальянского языка. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 293 с.
7. *Андерш Й. Ф.* Семантическая структура падежа / типы падежных значений // Категория падежа в структуре и системе языка : материалы науч. конф. – Рига, 1971. – С. 8-11.
8. *Андерш Й. Ф.* Семантична структура безприйменникового давального відмінка в чеській і німецькій мовах. – Київ : Наук. Думка, 1975. – 134 с.
9. *Апресян Ю. Д.* Прагматическая информация для толкового' словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. – М. : Наука, 1988. – С. 7-44.
10. *Апресян Ю. Д.* Синтаксис и семантика в синтаксическом описании // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М., 1969. – С. 302-306.
11. *Есперсен О.* Философия грамматики. – М. : Изд-во иностр. лит., 1958. – 404 с.
12. *Жовтобрюх М. А.* Мова української періодичної преси (кінець XIX - початок XX ст.). – Київ : Наук. думка, 1970. – 303 с.
13. *Завистовская Г. Е.* Проекция категории определенности/неопределенности на выражение смысла в поэтическом тексте Н. А. Некрасова // Матеріали Міжвуз. наук. конф. "Семантика мови і тексту". 23-25 жовтня 1990 р. – І.-Франківськ, 1990. – С. 60-62.
14. *Завистовська Г. Е.* Сучасні аспекти вивчення граматичних категорій у вузівському курсі мови // Матеріали наук. конф. 22-24 листопада. – 1991. – Ч. I. – К. : КДПІ, 1992. – С. 51.
15. *Загнітко А. П.* Система і структура морфологічних категорій сучасної української мови (проблеми теорії). – К. : УСДО, 1993. – 344 с.
16. *Звегинцев В. А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. – М. : Просвещение, 1967. – 335 с.
17. *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М. : Наука, 1982. – 368 с.

18. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М. : Наука, 1973. – 351 с.
19. *Історичний синтаксис української мови.* – Київ : Наук. думка, 1978. – 539 с.
20. *Иванова Л. П.* Структурно-функциональный анализ простого предложения. – К. : Вища школа, 1991. – 167 с.

А н о т а ц і я

Стаття присвячена комплексному дослідженню референційно-семантичного статусу предметно-особових займенників 1 та 2 особи однини.

Ключові слова: предметно-особові займенники, поетичний текст.

Annotation

The article is devoted complex research of reference-semantic status of the in detail personal pronouns 1 and 2 persons of singular.

Keywords: in detail personal pronouns, poetic text.

Иванова Л. П.
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ АДЕКВАТНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ В КОНЦЕПЦИИ А. А. ПОТЕБНИ И ЕЕ РАЗВИТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

В статье рассматриваются положения концепции А. А. Потебни, связанные с проблемами внутренней формы слова и понимания, а также развитие их в современных направлениях науки: прагмалингвистике, лингвистике текста, теории коммуникации, герменевтике.

Ключевые слова: концепция А. А. Потебни, внутренняя форма слова, понимание.

А. А. Потебня вошел в отечественное и мировое языкознание как признанный глава Харьковской лингвистической школы и как один из наиболее ярких и оригинальных представителей психологического языкознания, сформировавшегося в XIX – начале XX в., идеи его весьма актуальны для сегодняшних когнитивных, семантических, психолингвистических, этнопсихолингвистических и традиционных грамматических исследований. Таким образом, идеи великого мыслителя актуальны для многих направлений современного языкознания.

Мы попытаемся рассмотреть некоторые мысли А. А. Потебни в новом ракурсе – с позиций прагмалингвистики и теории коммуникации.

Как известно, главный признак лингвистического психологизма – интерес к мыслительной, познавательной и языковой деятельности индивида. Данный фактор дает основания рассматривать указанное направление как